

УДК 821.111

**ПРИНЦИП РОМАНТИЧЕСКОГО ДВОЕМИРИЯ
В НОВЕЛЛЕ В. ИРВИНГА «ЛЕГЕНДА О СОННОЙ ЛОЩИНЕ»****М. А. ЛЯШКЕВИЧ**
(Представлено: О. Ю. КЛОС)

Новелла Вашингтона Ирвинга (Washington Irving, 1783–1859) «Легенда о Сонной Лощине» (Legend of Sleepy Hollow, 1820) – одна из самых знаменитых новелл писателя, которая способствовала развитию этого жанра в американской литературе, формированию её важных проблем и тем. В статье исследуются способы и приемы воплощения принципа романтического двоемирия в новелле.

В истории культуры эпоха рубежа веков (конец XVIII – первая половина XIX века) получила название эпоха романтизма. А.Н. Николюкин объясняет понятие «романтизм» так: «Романтизм – движение в европейской и американской культуре конца XVIII – первой половины XIX века... Романтизм показал, что в мире-организме, пронизанном бесконечными соответствиями и аналогиями, не царствует случай, а над человеком, отданным на произвол иррациональной стихии, не властвует разум. В литературе романтизм создал новые свободные формы, отразившие ощущение открытости и бесконечности бытия, и новые типы героя, воплотившие иррациональные глубины человека» [1, с. 893]. В центре романтического мироотношения всегда стоит человеческая личность, способная с помощью мечты преодолеть любые внешние силы – природные и социальные. Огромное значение для развития американской литературы имела деятельность романтика Вашингтона Ирвинга. Художественный мир произведений Ирвинга подчиняется законам романтической эстетики. Одной из значимых особенностей романтизма является двоемирие.

«В основе романтического мироощущения лежит "романтическое двоемирие" – ощущение глубокого разрыва между идеалом и действительностью. Для романтиков идеал – это нечто вечное, бесконечное, абсолютное, прекрасное, совершенное, при этом таинственное и часто непостижимое. Действительность, напротив, преходяща, ограничена, конкретна, безобразна» [2, с. 258 – 259]. Этому понятию присуще причудливое смешение трагического и комического, возвышенного и обыденного, реального и вымышленного, существование границ между временными мирами: прошлым и настоящим.

Присутствие в названии новеллы слова «легенда» неслучайно. В. Ирвинг опирался на большое количество легенд и преданий, которые были популярны в Америке в начале XIX века. Сюжеты некоторых новелл Ирвинга не являются оригинальными. Литературоведами давно установлено, что сюжет новеллы «Легенда о Сонной Лощине» восходит к балладе немецкого поэта Г.А. Бюргера (Gottfried August Bürger, 1747–1794) «Дикий охотник» (Der wilde Jäger, 1786). Однако мрачная тема была переосмыслена американским писателем. Фольклорное наследие первых поселенцев, узнаваемый американский пейзаж с первых страниц новеллы погружают нас в особый мир, характерный для произведений В. Ирвинга. Более того, легенда о всаднике без головы связана с национальной историей. «Главный дух из числа посещающих этот зачарованный уголок – он же, по-видимому, и главнокомандующий всего сонма воздушных сил – некий Всадник Без Головы». Говорят, будто это тень одного гессенского кавалериста, которому в какой-то безымянной битве революционной войны пушечное ядро оторвало голову и который время от времени, словно на крыльях ветра, проносится в ночном мраке пред местными жителями [3, с. 207].

В новелле «Легенда о Сонной Лощине» автор знакомит читателя с главным героем, простым сельским учителем Икабодом Крейном, для которого целью жизни была женитьба на богатой девушке Катрине Ван Тассель, с целью прибрать к рукам ферму её семьи, чтобы улучшить своё бедственное положение. Главного героя изгнал с позором из посёлка его соперник Бром Бонс, который был более хитёр и удачлив. Для этого он нарядился призраком Всадника без головы. В интерпретации известного сюжета прослеживается романтическая манера В. Ирвинга, которой присуще сочетание реального и вымышленного. «Легенда о Сонной Лощине» пестрит мистическими моментами и историями, встречами с призраками или чем-то сверхъестественным. «Однако непосредственная причина отмечаемого в этих местах преобладания сверхъестественных рассказов кроется, несомненно, в близости Сонной Лощины. Ее влияние разнится как бы вместе с воздухом, притекающим из этой зачарованной стороны, он распространяет атмосферу грез и видений, заражающую окрестности. Несколько обитателей Сонной Лощины, оказавшихся среди гостей Балта ван Тасселя, не замедлили, по обыкновению, угостить присутствующих жуткими и повергающими в изумление легендами»¹⁸⁸ [3, с. 229]. Новелла «Легенда о Сонной Лощине»

¹⁸⁸ «The immediate cause, however, of the prevalence of supernatural stories in these parts, was doubtless owing to the vicinity of Sleepy Hollow. There was a contagion in the very air that blew from that haunted region; it breathed forth an atmosphere of dreams and fancies infecting all the land. Several of the Sleepy Hollow people were present at Van Tassel's, and, as usual, were doling out their wild and wonderful legends» [5, p. 312].

построена на сопротивлении двух начал, реальности и мистики, фантастики. Но эти сопротивления имеют многоуровневый смысл: во всевозможных преданиях, легендах и вымыслах часто сохраняется что-то рациональное и обоснованное; присутствие приведений становится средством передачи пограничного состояния; фигурирование в новелле Всадника без головы, а затем – намёк на отрицание его существования; двойственность концовки, включающая иронический подтекст, а именно, первый вариант концовки – полное отсутствие мистического финала, побег Икабода Крейна, второй вариант – похищение Икабода Всадником без головы. Безусловно, новелла «Легенда о Сонной Лощине» включает в себя неповторимый образ американского фольклора. Целью любой фантастики является сочетание реального и вымышленного, создание читательского сомнения, колебания, неопределённости. На протяжении всего произведения В. Ирвинг намекает на то, что всё сверхъестественное, что происходит вокруг, можно логически объяснить. «Что касается Брома Бонса, то вскоре после исчезновения своего незадачливого соперника он с триумфом повел под венец цветущую и пышущую здоровьем Катрину; было замечено, что всякий раз, как рассказывалась история Икабода, на его лице появлялось лукавое выражение, а при упоминании о большой тыкве он неизменно начинал заразительно и громко смеяться, что и подало основание предполагать, будто он знает больше, чем говорит»¹⁸⁹ [3, с. 238].

В. Ирвинг – мастер захватывающего рассказа о привидениях, но он призывает читателей держаться на некотором критическом расстоянии от историй, которые они слышат, чтобы понимать разницу между вымыслом и реальностью. Важно помнить, что В. Ирвинг пишет не с целью заставить читателя испугаться или поверить в мистику. Вместо этого он учит наслаждаться хорошей историей. Размышления В. Ирвинга дают нам определенную философскую и литературную теорию, которую мы можем привнести в наши собственные размышления о реальном мире.

В новелле также происходит столкновение двух миров, представителей голландской, старой Америки (Бром Бонс), вроде бы уже как отжившей, и предприимчивых янки (Икабод Крейн), которые приходят им на смену. Однако в итоге получается, что в лице Брома первые одерживают победу: они сильнее, умнее и удачливее. По мнению В. Ирвинга, их ценности должны победить новые американские ценности в лице Икабода Крейна. Успешная попытка автора сочетать в своём произведении все эти компоненты обеспечила новелле «Легенда о Сонной Лощине» популярность в XIX веке.

Внимательно анализируя содержание новеллы, можно увидеть, как автор с иронией и даже с некоторой издёвкой изображает главного героя. В частности, так автор рассказывает о сборах Икабода на бал. «Что касается Икабода, то он потратил на туалет никак не менее получаса; он тщательно вычистил свою лучшую и, по правде сказать, единственную, основательно порывевшую черную пару, снял с нее сор и пылинки и, став перед куском разбитого зеркала, висевшего в помещении школы, долго приглаживал и приводил в порядок прическу»¹⁹⁰ [3, с. 223]. Конь главного героя не отличался внешней привлекательностью и благородностью. По замечанию автора, Икабод Крейн был вполне подходящим всадником для такого скакуна. Это уточнение усиливает комический эффект.

Примечательно то, как В. Ирвинг описывает мельчайшие детали дома ван Тасселей. «Под навесом крыши висели цепи, упряжь, различные предметы сельскохозяйственного обихода и сети, которыми ловили рыбу в протекающей недалеко от дома реке. По краям веранды были расставлены скамьи, предназначенные для летнего времени; в одном конце виднелась большая прядка, в другом – маслобойка, указывавшие на многообразное применение этой пристройки»¹⁹¹ [3, с. 217]. Читатель видит обстановку вокруг глазами главного героя, Икабода Крейна. Этот прием подчеркивает жадность Икабода и желание завладеть всеми богатствами ван Тасселей.

Погружаясь в мир духовных переживаний личности и находясь в поисках «вечной истины», автор использует такие художественные приемы, как сложный метафоризм, иносказание, намеки, символику, мелочность, многозначность слов, абстрактность образов. Нужно отметить, что значение имен героев произведения отражают их статус или характерные черты. Икабод (Ichabod) – редко встречающееся мужское имя библейского происхождения, обозначающее в переводе с древнееврейского «несчастливый», «бедняга». Крейн (Crane) – журавль (англ.). «Фамилия Крейн довольно хорошо подходила к его наружности. Это был Высокий, до крайности тощий, узкогрудый и узкоплечий парень с большими руками и такими же точно но-

¹⁸⁹ «Brom Bones, too, who shortly after his rival's disappearance conducted the blooming Katrina in triumph to the altar, was observed to look exceedingly knowing whenever the story of Ichabod was related, and always burst into a hearty laugh at the mention of the pumpkin; which led some to suspect that he knew more about the matter than he chose to tell» [5, p. 319].

¹⁹⁰ «The gallant Ichabod now spent at least an extra half hour at his toilet, brushing and furbishing up his best, and indeed only suit of rusty black, and arranging his locks by a bit of broken looking-glass, that hung up in the school-house» [5, p. 306].

¹⁹¹ «Under this were hung flails, harness, various utensils of husbandry, and nets for fishing in the neighboring river. Benches were built along the sides for summer use; and a great spinning-wheel at one end, and a churn at the other, showed the various uses to which this important porch might be devoted» [5, p. 302].

гами»¹⁹² [3, с. 209]. Абрагам (*Abraham*) – высокопоставленный отец, отец множества (народов), высокий отец. В произведении автор его описывает так: «Суматошный и буйный молодой человек, герой здешних мест, молва о подвигах и силе которого гремела в окрестностях»¹⁹³ [3, с. 218]. Брома Бонса он называет львом. Лев – символ мужества и храбрости. Икабода Крейна автор сравнивает с камышовой тростью. «И по своей внешности и по своему духу Икабод Крейн напоминал камышовую трость – он был гибок, но крепок, хотя он порою сгибался, однако сломить его никто бы не мог»¹⁹⁴ [3, с. 220].

Новелла Ирвинга также богата сложными метафорами, например: «Высоко в небе уже потянулись тонкие линии диких уток»¹⁹⁵ [3, с. 224]; «Тыквы, повернувшие к солнцу свои чудесные округлые животы, в его больших черных глазах бегали неукротимо веселые огоньки»¹⁹⁶ [3, с. 225]. Как мы отметили выше, одной из характерных черт Ирвинга является использование иронии: «Балт ван Тассель был снисходителен; он любил свою дочь, любил ее даже больше, чем трубку»¹⁹⁷ [3, с. 220]. В одной из сцен в «Легенде о Сонной Лощине» В. Ирвинг иронизирует над профессией Икабода Крейна, он сравнивает школьную линейку у него в руках со скипетром деспотической власти. «Икабод, задумчивый и мечтательный, восседал на высоком, точно трон, стуле»¹⁹⁸ [3, с. 222]; Класс – маленькое государство; «Груда запрещенного к ношению оружия и всевозможная контрабанда»¹⁹⁹ [3, с. 222] – игрушки школьников. Этот приём просто и ясно описывает Р.М. Адерман (*Aderman, Ralph M*, 1919–2010): «Его самые комичные произведения всегда имеют серьезные цели. В них он пытается высмеять какой-нибудь вредный или ни на что не годный предрассудок в общественном сознании. Он выпальывает вредные растения, которые веками росли в человеческом сердце»²⁰⁰ [4, с. 132]. В новелле также присутствует мелодичность: «В березовых и ореховых рощах слышалась переключка белок»²⁰¹ [3, с. 224]; «Задумчивый и нежный свист перепела»²⁰² [3, с. 224].

Таким образом, деление мира на реальный и трансцендентальный, использование легенд и мифов с повседневной жизнью, сочетание романтизма и легких штрихов готики, намёки на пороки людей и общества, лёгкая ирония и интрига, исторические события и реализм, переработка старых, бытующих в мировой литературе сюжетов – всё это указывает на собственный и неповторимый стиль повествования писателя. Легенды, предания, историческая хроника преображались под его слогом, вызывая в воображении читателя необъятные картины. Многие произведения В. Ирвинга стали частью золотого фонда американской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николоюкин, А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николоюкина // Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
2. Луков, В.А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Луков. – 5-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 512 с.
3. Ирвинг, В. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Из «Книги эскизов»; Из книги «Брейсбридж-холл»; Из книги «Рассказы путешественника» / Пер. с англ.; Вступ. ст. Стенли Т. Уильямса; Коммент. С. Валова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Литература, 2002. – 592 с.
4. Aderman, R.M. Critical essays on Washington Irving. G.K. Hall & Co., 1990. – 276 p.
5. Irving W. The legend of Sleepy Hollow and other stories, or, The sketch book of Geoffrey Crayon, gent./ Intr. by Alice Hoffman. – New York: Modern Library, 2001. – 362 p.

¹⁹² «The cognomen of Crane was not inapplicable to his person. He was tall, but exceedingly lank, with narrow shoulders, long arms and legs» [5, p. 294].

¹⁹³ «The hero of the country round, which rang with his feats of strength and hardihood» [5, p. 303].

¹⁹⁴ «He had, however, a happy mixture of pliability and perseverance in his nature; he was in form and spirit like a supple-jack—yielding, but tough; though he bent, he never broke» [5, p. 304].

¹⁹⁵ «Streaming files of wild ducks began to make their appearance high in the air» [5, p. 307].

¹⁹⁶ «The yellow pumpkins lying beneath them, turning up their fair round bellies to the sun, and giving ample prospects of the most luxurious of pies» [5, p. 308].

¹⁹⁷ «Balt Van Tassel was an easy, indulgent soul; he loved his daughter better even than his pipe» [5, p. 304].

¹⁹⁸ «Ichabod, in pensive mood, sat enthroned on the lofty stool» [5, p. 305–306].

¹⁹⁹ «Contraband articles and prohibited weapons» [5, p. 306].

²⁰⁰ Здесь перевод наш. – М.Л.

«His most comical pieces have always a serious end in view. In these you find him holing up to ridicule some hurtful or good-for-nothing prejudice in the public mind; he is weeding out the noxious plants, which have been growing for centuries in the human heart» [4].

²⁰¹ «The bark of the squirrel might be heard from the groves of beech and hickory nuts» [5, p. 307].

²⁰² «The pensive whistle of the quail» [5, p. 307].